

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ УВЕЧНЫХ ВОИНОВ В БОРЬБЕ ЗА ПРАВО ГОЛОСА: ПОРЯДОК ДИСКУРСА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА И РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В 1917–1918 ГОДАХ

Ольга Охотникова

Ольга Охотникова, Институт истории Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Германия. ok.okhotnikova@mail.ru.

Я благодарю рецензентов и редакторов журнала «Laboratorium» за возможность публикации этой статьи и полезные замечания, моих друзей – за комментарии к черновикам, и отдельно Рауфа Шумякова – за щедрость в снабжении меня ценными источниками. Исследование выполнено при поддержке Фонда Герды Хенкель, номер заявки AZ 11/P/23.

Статья посвящена истории представительной организации инвалидов Первой мировой войны, существовавшей в период 1917–1918 годов. Политические изменения, вызванные Февральской революцией 1917 года, переформатировали прежние способы получения социальной помощи. Увеличивавшаяся в годы Первой мировой войны социальная группа военных инвалидов, ранее являвшаяся объектом заботы благотворительных организаций, со свержением монархии получила возможность заявить о своих потребностях. Наравне с государственными институтами помощи, в июне 1917 года по итогам I Всероссийского съезда увечных воинов был создан Всероссийский Союз увечных воинов с Центральным комитетом в Петрограде и отделениями (союзами) на местах. Фокус на деятельности Союза позволяет изменить взгляд на инвалидное сообщество, традиционно предстающее объектом социальной политики, и рассматривать его как политический субъект, в столичном и региональном масштабе не только стремившийся к институционализации и активно заявлявший о своих правах, но и производивший собственные значения о том, кто такой военный инвалид. С опорой на предложенное лингвистом Норманом Фэрклом понимание дискурса как семиотического расширения социальной практики и сохранившиеся в фонде Центрального комитета Союза увечных воинов материалы (входящую и исходящую корреспонденцию, переписку с местными союзами, протоколы заседаний правления Центрального комитета, а также документы всероссийских и местных съездов) в статье показывается, как в коммуникации центрального института, региональных союзов и органов власти производился дискурс о военной инвалидности, как проявлялась специфичность региональных опытов в этих коммуникациях и какое значение имели региональные формирования в борьбе Союза за сохранение авторитетной позиции в деле помощи военным инвалидам.

Ключевые слова: военные инвалиды; Первая мировая война; Всероссийский Союз увечных воинов; революция 1917 года; самоорганизация; дискурс-анализ

Закрывая II Всероссийский съезд увечных воинов в июне 1918 года, его председатель Абрам Каминский заключал: «Мы – большинство честно и прямо высказали свои соображения[, –] и я верю, что там в центре, наш голос будет услышан Советской Властью»¹. Тезис о «голосе», с помощью которого военные инвалиды заявляли об автономности своей позиции как социальной группы и решающем значении этой позиции для осуществляемой в их отношении политики, стал за год существования Союза одним из ключевых в дискурсе, который производился его членами. Откуда возникла эта идея, как стала столь значимой и за счет чего продолжала функционировать на региональном и центральном уровнях даже после потери Союзом как институции большинства своих полномочий?

Проблема военных инвалидов² (а именно вопросы, связанные с их социальным обеспечением и повторной интеграцией в общество) очевидно обострилась в годы Первой мировой войны. Определенную роль сыграло здесь и развитие медицины (благодаря ему количество выживших после полученных увечий стало больше)³, и скромный размер пенсий, установленных в Российской империи (Букалова и Щербинин 2020:150), и отсутствие государственной системы реабилитации. Февральская революция 1917 года сделала возможным создание как новых государственных институтов, так и легальных форм самоорганизации снизу, в том числе таких, как Союз увечных воинов, созданный в июне 1917 года и просуществовавший до конца 1918 года. За свою недолгую историю он успел провести два всероссийских съезда, открыть отделения более чем в 40 губерниях бывшей империи (при этом всего в 1914 году существовала 101 административно-территориальная единица), сосредоточить в своих руках организацию помощи военным инвалидам в результате ликвидации прочих организаций и обществ в этой сфере, и, в конечном итоге, потерять этот статус в ходе усиления советской власти.

Историография проблемы военной инвалидности данного периода чаще всего использует институциональную перспективу, рассматривая процесс становления в постреволюционной России современной социальной политики (Лебина и др. 2007; Физелер 2007). Отдельное внимание уделяется Первой мировой войне, ко-

¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 60.

² Здесь и далее понятия «увечные воины» и «военные инвалиды» используются в качестве синонимов, в чем автор следует за источниками изучаемого периода. Несмотря на то, что в целом современную эволюцию терминов, используемых в отношении военных инвалидов, можно описать как «калека – увечный – инвалид», я не согласна с интерпретацией Александра Зумпфа о прямом влиянии Союза на это изменение (Sumpf 2022:217), так как в документах организации присутствуют все вариации групповой самоидентификации: «военно-увечный», «воин-инвалид», «инвалид-увечный», «калека увеченный», «воин калека» и т. д. Оговорку здесь следует сделать в связи с использованием понятия «калека»: оно чаще употребляется в риторических текстах и призвано акцентировать внимание на телесных страданиях.

³ Общее число увечных воинов, по разным статистическим данным, составляло от 400 до 700 тысяч человек (Катцина 2017:111; *Россия в мировой войне 1925:4*).

торая способствовала появлению «военно-гражданского гибрида» – переносу военных институтов мобилизации в послевоенное время (Holquist 2002:286), одновременно со следованием общеевропейским принципам социального обеспечения (Hoffman 2011).

История Союза увечных воинов в таких работах почти не упоминается, а если и обсуждается, то только с точки зрения успешного/неудачного результата действий, выступая в качестве иллюстрации исключительных революционных условий. За рамками описаний остаются вопросы субъективности военного инвалида, сложной и неоднородной конфигурации идей и воплощенных проектов, где действовали не только нарождавшиеся государственные институты. Исследования же форм самоорганизации военных инвалидов в общеевропейском контексте показывают, что, несмотря на различия в политиках, проводимых воевавшими государствами, ветеранские и военно-инвалидные организации возникали повсеместно – и как замена государственной помощи (Magowska 2014), и в целях лоббирования тех или иных мер (Cohen 2001), и для международной кооперации – в вопросах помощи или продвижения пацифистских идей (Eichenberg and Newman 2013), а также для реализации «социальных, рекреационных, коммеморативных и солидаристских» потребностей (Gerber 2003:901). Это позволяет поместить российский случай в глобальный контекст не только в перспективе социальной политики, но и социальных движений, вызванных войной.

Амбициозный в своих планах, Союз увечных воинов стремился к институционализации с целью встроиться в заново складывавшуюся после свержения монархии в феврале 1917 года государственную систему органов. Одновременно организация занялась дискурсивным производством военной инвалидности. Это было необходимо для того, чтобы занять и обосновать перед властью и ее представителями определенную позицию. Заявленный как «всероссийский», масштаб деятельности Союза (что выразилось в создании местных отделений и проведении всеобщих съездов) позволяет представить организацию как сеть акторов, объединенных общим дискурсом, но воплощающих его в собственных контекстах и географических диапазонах. Региональный аспект самоорганизации военных инвалидов до сих пор оставался неизученным: существующие работы о помощи увечным воинам в конкретных регионах (Еремин 2006; Степочкина 2014) часто ограничиваются обзором источников о появляющихся и угасающих институциях и общественных организациях⁴. За рамками остаются взаимоотношения центра и периферии, универсальность или специфичность локальной ситуации и ее встроенность в более глобальный контекст. В этой статье я предлагаю сконцентрироваться на том, как производился порядок дискурса о военной инвалидности в коммуникации между центральным институтом Союза, региональными отделениями и органами власти, задавая вопросы об условиях возможности этого производства, вкладе местных союзов и их практиках самопрезентации.

⁴ Исследования о периоде войн и революций в региональной специфике, напротив, затрагивают сферу социальной помощи и проблему военной инвалидности лишь поверхностно (см. Калашников 2019; Миллер и Черный 2017; Нарский 2001; Badcock 2007; Retish 2008).

Следуя за лингвистом Норманом Фэркло, я понимаю порядок дискурса как семиотическое расширение сети социальных практик (Fairclough 2003:205), в котором жанры, дискурсы и стили организуют соответственно уровень действий, репрезентаций и идентификаций. Для разговора о производстве значений в коммуникации (в этом случае – между институтами и между акторами внутри них) особенно продуктивным оказывается использование понятия «модальность», которое описывается как степень приверженности истине или обязательству/необходимости, влияющая на «текстурирование» идентичности «обязательно по отношению к другим» (166). Высказываясь о своем положении или выдвигая требования, военные инвалиды занимали определенные позиции (идентифицируя и представляя себя), находясь в постоянной взаимозависимости с теми обстоятельствами, внутри которых они эти позиции занимали. Сохранившиеся в фонде Центрального комитета (далее – ЦК) Союза увечных воинов материалы – входящая и исходящая переписка с местными союзами, протоколы заседаний правления ЦК, документы всероссийских и местных съездов, а также опубликованные издания Союза – позволяют увидеть, как и в каких условиях эти позиции производились⁵. Разворачивая архив хронологически, в статье я описываю события, связанные с I съездом и изданием газеты «Голос инвалида» как задающие всероссийский масштаб Союза и основные значения, затем перехожу к архиву о деятельности ЦК Союза, аккумулирующему порядок дискурса и сеть коммуникаций, а также влиянию на него институциональных изменений, завершая событиями II съезда, ставшими кульминационными для общерегиональной активности.

ВЗЛЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА УВЕЧНЫХ ВОИНОВ: ОТ ПРОЯВЛЕНИЯ ГОЛОСА К ТРЕБОВАНИЯМ

Идея создания единого органа для помощи увечным воинам уже с начала войны заняла важное место в обсуждениях на страницах позднеимперской публицистики (Охотникова 2022). Воплотить ее удалось после свержения монархии: 5 мая 1917 года Временное правительство создает Министерство государственного призрения. Так впервые появляется административная основа, позволяющая зафиксировать момент формирования «современного социального государства» (Физелер 2007:50). Одновременно, на волне политизации социальной жизни, произошедшего «рассеивания власти» (Orlovsky 2018) и легитимированной постановлением Временного правительства от 12 апреля 1917 года свободы союзов, на местах появлялись разрозненные комитеты и союзы помощи увечным и раненым. Повальная самоорганизация стала существенным элементом первых месяцев революции – новые общества, союзы и организации создавались в центре и на местах (Гордеев 2019; Обухов и Федотов 2007:23; Старостенко 2018; Тойкина 2017:13; Филимонов 1999:59; Черкасова 2018; Шашкова 1996:297–299).

⁵ В статье используются только материалы центральных архивов (ЦК Союза, центральный Народный комиссариат) – это сужает перспективу, одновременно позволяя сконцентрироваться на коммуникации регионов с центральными институциями и выстраивании позиций внутри этой коммуникации.

Среди них был и Петроградский Союз увечных воинов. С целью объединения и «согласования всех союзов в борьбе за свои интересы»⁶, его Исполнительный комитет 11 мая принял решение о созыве I Всероссийского съезда, разослав воззвания на места и намереваясь организовать союзы по всей России. Первый съезд увечных воинов прошел в период с 15 по 27 июня при участии 116 делегатов от 34 местных союзов, а его окончание было ознаменовано созданием Всероссийского Союза с избранным ЦК и правлением. В опубликованном по итогам работы съезда отчете кроме докладов секций дается также краткий очерк состояния сферы помощи увечным воинам до 1917 года, описание основных событий на пути к открытию съезда и во время его работы, отдельные выступления, прозвучавшие на открытии. Публикация отчета становится одним из первых проявлений позиции военных инвалидов по поводу своей группы и ее представительной организации⁷ – производится собственный нарратив об истории и будущем дела помощи, об этапах становления самоорганизации, о себе как сообществе и увечном как индивиде. Последующее циркулирование отчета, его рассылка по местным союзам (по их просьбам, о чем будет сказано далее), закрепляет произведенные значения, организуя сообщество вокруг.

В частности, в отчет съезда был включен очерк о появлении в конце июня 1917 года Временного Общегосударственного комитета помощи военно-увечным при Министерстве государственного призрения. Его создание стало попыткой наладить взаимодействие между дореволюционными общественными организациями, министерством и формой самоорганизации инвалидов: выполняя посреднические функции, комитет одновременно был призван объединить всю организацию в одном месте⁸. Авторы отчета изображали эту историю как постепенное приобретение увечными права представительства. Так, делегаты Петроградского Союза на одном из первых объединенных совещаний «впервые [принимали] участие в обсуждении вопросов, касающихся их собственных судеб». Под их «сильным давлением» в первом проекте число представителей от увечных было увеличено в Комитете помощи с 4 до 12 человек, а в окончательном варианте постановления число представителей было доведено до половины от общего числа «по требованию» делегатов от союзов – институциональное пространство было отвоевано⁹.

⁶ *Отчет о трудах Первого Всероссийского съезда делегатов увечных воинов, 15–27 июня 1917 г.* (Петроград, 1917), 6.

⁷ Важно уточнить, что здесь не учитываются публичные проявления политической позиции, о них будет сказано далее.

⁸ С началом войны активизировались старые и появились новые общественные организации помощи жертвам войны (Туманова 2014) – часть из них просуществовала до октября 1917 года. Руководимые членами императорской семьи или представителями прогрессистской общественности, эти организации рассматривали военных инвалидов в качестве объектов помощи, при этом сами инвалиды не были их участниками (среди крупнейших – Александровский комитет о раненых, Скобелевский комитет для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам, Российское общество Красного Креста). Союз увечных воинов в этом плане стал первой представительной организацией военных инвалидов в истории России начала XX века.

⁹ *Отчет о трудах*, 67–68.

Значимость принципа представительства была закреплена уставом Союза, составленным по результатам работы организационной секции съезда. В уставе в качестве одной из задач местных союзов предполагалось делегирование представителей во «все без исключения местные органы, ведающие делом помощи Увечным Воинам», а ЦК обязывался «делегировать представителей во все ведомства и учреждения, где требуется представительство»¹⁰. Среди других резолюций, принятых I съездом, – представительство членов Союза в комиссиях/комитетах по организации профессиональных курсов и школ, сельскохозяйственных колоний, по переосвидетельствованию, лечению на курортах¹¹. После возвращения с фронта демобилизовавшиеся инвалиды, в условиях демократизировавшейся публичной сферы¹², призывали своих соотечественников к мобилизации общественной – через участие в политике в отношении собственной социальной группы (Sumpf 2022:195).

Параллельно со съездом начинает выходить газета Петроградского Союза «Голос инвалида», просуществовавшая до конца лета 1917 года¹³. Ее авторы, подписывавшие свои материалы или обезличенные подписью «Инвалид», обращались – в назидательной или дружеской манере – напрямую к увечному воину, наделяли его качествами сознательного гражданина и достойного члена Союза, параллельно освещая проходивший съезд и другие связанные с проблемой увечных воинов события.

Приступая к анализу производимых в газете дискурсов о военной инвалидности, стоит сказать пару слов о политических настроениях ее создателей. Петроградские увечные воины впервые появились в публичном революционном поле в апреле 1917 года – газеты писали о демонстрации инвалидов у Таврического дворца с лозунгами «Ленина и компанию – обратно в Германию!» или «Отдадим последние силы для торжества свободы», а также итоговой резолюцией, согласно которой «собрание самым решительным образом протестует против агитации Ленина, сеющей рознь в рядах революционной армии»¹⁴. Газета большевиков «Правда» в едком ответе упоминала, что председатель митинга был полковником и ранее был арестован солдатами, а студенты-кадеты несколько дней спустя обманом привезли инвалидов на Невский проспект, предложив «поехать в Госуд. Думу на заседание»¹⁵.

¹⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 52–55.

¹¹ *Отчет о трудах*, 43–52.

¹² Об изменениях в публичной сфере в связи с Февральской революцией см. Lovell (2015:302–303).

¹³ В распоряжении автора имеются №№ 1–8 (с 15 июня по 14 августа 1917 года, подшивка хранится в отделе газет Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге). Еще 25 июля Петроградский Союз постановил передать газету в ведение ЦК Союза (ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 34, л. 96). Упоминания о работе редакции, сменившей формат на журнал и название на «Увечный воин», а впоследствии на «Голос увечного», встречаются в протоколах Правления ЦК с конца декабря 1917 по конец апреля 1918 года (ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3), однако в архиве ЦК сохранился лишь один выпуск (ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 3–11).

¹⁴ «Митинг инвалидов», *Единство*, 17 апреля 1917 г., 3; «Инвалиды и Ленин», *Русская воля*, 17 апреля 1917 г., 6.

¹⁵ Беленин, «Кто они?», *Правда*, 18 апреля 1917 г., 4; «Демонстрация 21 апреля», *Правда*, 25 апреля 1917 г., 4.

Провоенные и антиленинские настроения сохранялись и на страницах собственного издания Союза. В условиях июньского наступления («наступления Керенского», последнего наступления Русской армии в Первой мировой войне) вопрос с отправкой пополнений на фронт был одним из центральных для обсуждения в «Голосе» – авторы активно выступали против антивоенной большевистской агитации, обвиняя «ренегатов» и немецких «прихвостней» в трусости и малодушии и призывая к патриотической мобилизации (что, кроме того, привело бы к освобождению рабочих мест в тылу в пользу увечных воинов)¹⁶. Аналогичные голоса слышались из регионов, откуда летом 1917 года посылали приветственные телеграммы военному министру Александру Керенскому и генералу Лавру Корнилову (до Корниловского выступления в августе 1917 года) и выражали «негодование беглецам с фронта»¹⁷. Вероятно, подобные призывы вкупе с антиленинской апрельской демонстрацией позволили советской историографии включить «Союз инвалидов» наряду с другими организациями военных (Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга и др.) в список контрреволюционных сил (Иоффе 1989:53)¹⁸.

Такие прецеденты можно считать частичным проявлением тех представлений о сообществе военно-увечных, которые формулировались на страницах «Голоса инвалида». Так, одной из центральных становилась концепция «голоса» (прямо артикулируемая в названии газеты), который должен нарушить прежнее безмолвие, когда увечный воспринимался лишь как объект помощи извне. Несомненно, важны были политические изменения весны и лета 1917 года: предстоящие выборы в Учредительное собрание, назначенные на осень, способствовали распространению дискурса о сознательном политическом голосе (Икэда 2022; Колоницкий 2012), а обретенная свобода печати предполагала возможность для высказывания каждой, прежде бессловесной в силу экономического расслоения, разницы в уровне образования и объеме политических прав, социальной прослойки в собственном печатном органе.

Сложившиеся политические условия инвалиды в июне 1917 года интерпретировали через «иерархию» народных голосов, ставя ее в зависимость от «нравственного облика, а также прошлого глашатая»: приоритетность голоса закреплялась за увечными воинами как пострадавшими за родину и «за внутреннюю свободу»¹⁹. Голос инвалида должен быть голосом громким – и это касается не только «строи-

¹⁶ П. Гусев, «Война и мир», *Голос инвалида*, 15 июня 1917 г., 2; П. Г., «Петроград – 4 июля», *Голос инвалида*, 4 июля, 1917 г., 2.

¹⁷ РГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 30, л. 1, 30; оп. 2, д. 61, л. 77; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 29, л. 26; д. 2, л. 177–178. Интересно, что на собрании увечных воинов, состоявшемся 30 июля 1917 года в Тамбове, было решено отправить четыре приветственные телеграммы – Корнилову, Керенскому, Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, а также министру государственного призрения (ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 18, л. 62–62об).

¹⁸ Если предположить, что Союз инвалидов является ошибочным названием Союза увечных воинов, а не отдельной организацией, сомнение вызывает включение его в ряд правых, «по преимуществу офицерских», организаций – в резолюциях I съезда увечные активно выступали за уравнивание прав офицерских и нижних воинских чинов, настаивая на общности потерь, независимо от чина (см. *Отчет о трудах*).

¹⁹ «От редакции», *Голос инвалида*, 15 июня 1917 г., 1.

тельства собственной жизни»²⁰, то есть вопросов социального обеспечения, но и политического участия – пролитая за отечество и его свободу кровь легитимирует статус увечного воина как «зоркого охранителя свободы в настоящем»²¹, закрепляет его авторитет. В патетической манере приписывая коллективу увечных «авторитетный голос», авторы статей побуждают окружающих прислушаться к нему, усиливая свой призыв акцентом на телесность: «Вы граждане, *должны* поверить голосу, идущему из обливающегося кровью сердца инвалида»²².

Воплощением этой идеи на практике и стал I съезд. Сформированные на нем секции устанавливали, по каким сферам должна осуществляться помощь военным инвалидам, где и сколько должно быть предоставлено льгот. Так, были выделены пенсионный вопрос, лечебно-курортный, культурно-просветительный, трудовой, земельный; отдельная секция занималась нуждами слепых увечных, а при лечебно-курортной была сформирована протезная подсекция. Главной особенностью всех докладов была уверенность их составителей в том, что они будут приняты государственной властью «к исполнению по возможности, безотлагательно»²³. Работая с одобрения Министерства государственного призрения и участвуя в деятельности Временного комитета при нем, инвалиды не сомневались в скором законодательном закреплении их предложений.

Наряду с описанным жанром выдвижения требований по социальной поддержке, обретенный голос инвалидов проявлялся через оценивание того, как воспринимается и должен восприниматься увечный воин в обществе. Ключевым тезисом стало решительное отмежевание от дореволюционного опыта благотворительности, при которой увечный выступал как объект сострадания и милосердия. В редакторской колонке первого номера «Голоса инвалида» за авторством П. Гусева прямо заявлялось: увечные воины, «с присущим героям благородством, отвергают непосредственную частную материальную поддержку»²⁴. Выражением этой же идеи стал закрепленный в резолюциях I съезда отказ от единовременных пособий, ассоциировавшихся с периодом филантропических организаций²⁵. Призывы в газете и резолюция съезда, тем не менее, не означали полного забвения дореволюционных практик: к зиме 1918 года члены Союза будут продвигать идею различных сборов в пользу увечных воинов, а некоторые региональные союзы проводили привычные по дореволюционному времени кружечные сборы, аргументируя эту практику отсутствием поступления средств из центра²⁶.

За таким смещением стояло стремление изменить восприятие военных инвалидов, закрепить их равноправный статус в обществе. Это требовало, кроме отказа от благотворительной поддержки, и критики самой практики сбора увечными

²⁰ «Записки инвалида», *Голос инвалида*, 15 июня 1917 г., 3.

²¹ «Петроград – 24 июня», *Голос инвалида*, 24 июня 1917 г., 2.

²² «От редакции», 1–2 (курсив в оригинале).

²³ *Отчет о трудах*, 46.

²⁴ «От редакции», 1.

²⁵ *Отчет о трудах*, 34.

²⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 88; д. 2, л. 169.

милостыни – замеченные факты подаяний воспринимались крайне эмоционально, описывались в статьях того же «Голоса инвалида» как «прикорбные», и унижающие «достоинство человека вообще и инвалида, защитника родины [...] в особенности». Авторы апеллировали к моральному порядку: попрошайничество представляло несовместимым с жизнью «свободного гражданина», ведь им занимаются лишь те, «кто перестал себя уважать» и имеет корыстный умысел²⁷. Обозревая проблему «костыльников-стрелков» – инвалидов-попрошайек, «стреляющих» деньги у прохожих с жалобами и угрозами, П. Яснов в оценке причин столь позорного поведения ссылаясь как на жалость прохожих (и потому легкость подобного заработка), так и на «беззащитность» самих инвалидов²⁸. Проблема позиционировалась как общая «для всех граждан Свободной России»²⁹, поэтому и решать ее было необходимо общими усилиями, через информирование и общественный контроль: освещать и оповещать инвалидов³⁰, «следить за товарищами» и удалять замеченных за недостойным занятием из общежитий³¹. Одновременно государству вменялось «отвести протянутую за милостыней руку в другую сторону к работе»³², причем утверждалось, что именно с организационной помощью союзов возвращающимся с фронта солдатам «не придется больше ходить по улицам»³³.

Обращаясь к аудитории увечных воинов, авторы газеты одновременно эту аудиторию взращивали, контролируя порядок репрезентаций увечного воина. Масштаб влияния задавало и то, что газета издавалась в Петрограде. Столица бывшей империи и центр политических событий, Петроград был одновременно местом сосредоточения лазаретов и протезных мастерских (Кузбер 2017), откуда увечный воин отправлялся домой на пенсию. Собранные там же для участия в съезде инвалиды, забирая экземпляры газеты с собой, увеличивали пространство циркуляции произведенных значений. Стремление не быть «обыкновенными тунеядцами», не потерять «общественное уважение», быть «деятельными сотрудниками», «тружениками, а не нищими»³⁴ звучит на заседаниях, съездах и страницах газет – в необходимости работать воплощалось равное правовое и политическое положение, побуждавшее увечных воинов к действию. Безусловно, стремление к сознательности и искоренению «аморальных» практик прошлого артикулировалось и за пределами сообщества военных инвалидов, являясь частью «нравственного переворота» (Колоницкий 2012:58) революционного периода, однако, как будет показано далее, в упорядочи-

²⁷ Е. Варнин и К. Верховской, «Приказ № 1024 по общежитиям отдела Петроградского комитета Обще-Государственного Комитета помощи военно-увечным 22 июля 1917 г.», *Голос инвалида*, 29 июля 1917 г., 3.

²⁸ П. Яснов, «Печальное явление», *Голос инвалида*, 5 августа 1917 г., 3.

²⁹ «Общее Собрание увечных, больных и раненых воинов 18 мая 1917 года», *Голос инвалида*, 15 июня 1917 г., 4.

³⁰ Яснов, «Печальное явление».

³¹ Варнин и Верховской, «Приказ № 1024».

³² «В провинции», *Голос инвалида*, 19 июля 1917 г., 4.

³³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 18, л. 59.

³⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 18, л. 40об.; д. 89, л. 6; д. 1а, л. 40, 78.

вании создаваемых смыслов (жанров, дискурсов, стилей по Фэркло) о военной инвалидности центральные органы Союза играли решающую роль.

ПОСЛЕ I СЪЕЗДА: АРХИВ ЦК СОЮЗА КАК ПОРЯДОК ДИСКУРСА И СЕТЬ КОММУНИКАЦИЙ

Разговор про положение военного инвалида был напрямую связан с тем, как оценивалась и описывалась собственная увечность. Разумеется, центральной категорией здесь становилось потерянное здоровье, ценность которого ставилась в абсолют – это был «единственный капитал» и «самое дорогое достояние»³⁵. Страдание от его утраты акцентировалось через телесную воплощенность – инвалиды становились сообществом «изуродованных и искалеченных»³⁶, проносящих это горе через всю свою жизнь. Столь высокий уровень солидарности часто описывался в терминах родства – здесь и повторяемая формула «братья увечные», и описание Союза как «великой и крепкой семьи»³⁷. Кровные (во всех смыслах) узлы стирали все прежние статусы членов Союза, делая его внутри своей риторики идеальным защитником интересов всех увечных, а бинарное разделение по фактору здоровья отгораживало «партию калек»³⁸ от всего остального общества.

В то же время в разговоре о причинах потери здоровья в революционные годы появляются, кроме более абстрактной и стандартной формулировки «за Родину», такие пункты как «завоевание революции» и борьба «за свободу»³⁹. В таком расширении своих заслуг перед обществом и государством проявлялась необходимость освоения нового «немонархического» политического языка, позволяющего легитимировать свои притязания перед новой властью (Колоницкий 2006). При этом тезис об освобождении народа из-под «царского гнета» интерпретировался как всеобщее уравнивание прав и возможность для каждой группы заявить о себе. Инвалиды, «свободные в свободном государстве», постулировали создание собственных союзов как приобретенное право защиты своих интересов – «требовать где следует, того, что необходимо»⁴⁰, как формулировали авторы воззвания об организации регионального отделения Союза в городе Кустанай.

Разделение на основе обладания здоровьем становилось отправной точкой для обоснования права на льготы военных инвалидов, к тому же ставило вопрос о взаимоотношениях увечных с обществом здоровых. Члены региональных союзов в письмах в центр и на различных съездах заявляли, что инвалидов «оскорбляют», «обижают», отказываются им помогать, «не идут навстречу», «не сочувствуют целям» местных союзов⁴¹. Подобные жалобы на угнетенное состояние обвиняли об-

³⁵ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 8, л. 65; д. 18, л. 39.

³⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 13.

³⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 5об., 9об.–10; д. 18, л. 38об.–39.

³⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 71.

³⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 77; д. 18, л. 58.

⁴⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 18, л. 58; д. 2, л. 5.

⁴¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 74; д. 2, л. 21об., 69; д. 39, л. 68; д. 18, л. 39об.

щество в отказе признать, с одной стороны, заслуги увечного по защите родины, с другой – слабости его здоровья. Обе эти формулы использовались для утверждения собственного особого статуса, наличие которого обуславливало введение требуемых льгот и привилегий – использование революционного дискурса соседствовало с представлением о приоритетной позиции военного инвалида в иерархии прав и «голосов» нового государства. Одновременно с этим вопрос взаимоотношений с остальным обществом (как в лице власти, так и в целом) оставался ключевым для продуктивной работы региональных союзов. В разосланном на места циркуляре в феврале 1918 года ЦК наставлял: от действий союзов зависит отношение к ним Советов рабочих и солдатских депутатов и объем «общественных симпатий», а пререкания и поступки членов Союза, вызывающие протест, уменьшают «степень заботливости», оказываемой населением⁴² – соблюдение инструкций из центра напрямую влияло на сохранение единства в позиционировании союзов на местах.

Не менее важным поводом для коммуникации между регионами и центром была некомпетентность местных союзов относительно существующих законоположений, правил организации происходящих в сфере помощи увечным воинам изменений. Оповещая центр о факте создания отделения Союза в городе, уезде или губернии, его участники часто просили прислать им необходимые для работы материалы – устав Союза, труды I съезда; уточняли, куда отправлять членов организации за протезами и на обучение, каковы порядки выдачи пенсий и единовременных пособий; спрашивали совета о том, какие издания «выписать для своей библиотеки»⁴³. Центр реагировал на просьбы, рассылая на места запрашиваемую литературу, «осведомительно-агитационные обращения» и организационные схемы. Как сообщалось в отчете о его деятельности за осень и зиму 1917 года, к 3 декабря 1917 года были изданы 1 тысяча экземпляров отчета о трудах I съезда (и планировалось еще 5 тысяч), а также 3 тысячи экземпляров устава⁴⁴. Помимо информирования одним из направлений деятельности ЦК было создание союзов на местах – для расширения сети региональных отделений в правлении был создан Организационный отдел⁴⁵, в регионы отправлялись члены правления, от их имени печатались воззвания⁴⁶. С зимы 1918 года нанимались и организаторы, которые должны были участвовать в первых собраниях местных инвалидов, инструктировать их членов о «правильной постановке»⁴⁷ дела, выполняя, таким образом, функцию проводников знания.

⁴² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 104.

⁴³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 22, 26, 43, 54, 64, 107; д. 13, л. 5, 9.

⁴⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 8, л. 36–38.

⁴⁵ Результатом его работы, как сообщал служащий ЦК Ермолаев на II Всероссийском съезде, стало открытие «до 60-ти Союзов»; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 56.

⁴⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 13, л. 10; см. также листовку «Вниманию инвалидов города Твери» (до 30 августа 1917 г.), https://primo.nlr.ru/primo-explore/fulldisplay?vid=07NLR_VU1&docid=07NLR_LMS011212593&context=L&search_scope=default_scope, просмотрено 15 сентября 2025 г.

⁴⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3, л. 60, 85об., 97. Кроме того, Правление планировало открыть инструкторские курсы; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 47, л. 36, 42.

Жанр запросов из регионов затрагивал, кроме того, юридические границы членства в Союзе, что было напрямую связано с правом на получение льгот. Их туманность, несмотря на выработанный устав Союза, фиксируют письма с мест: из города Бежица спрашивали про инвалидов «войны против Корнилова [. . .] и вообще на внутреннем фронте»; из Спасского уезда – про «вдов-солдаток»⁴⁸. Про инвалидов, «у которых мужья убиты без вести пропавшие и т. д.», и их право на бесплатный проезд интересовались из села Красный Кут; имеют ли право на «обмундировочные» деньги «казаки и солдаты бывшие в действующей армии и уволенные вовсе от службы по болезни без права на пенсию»⁴⁹ – уточняли из Хоперского округа. Созданный в ЦК Юрисконсультский отдел в ответных письмах разъяснял: получивших увечья во время «военных действий против Каледина, Корнилова, Украины»⁵⁰ принимать в Союзы можно, инвалидки бесплатно проезжать не могут, увольнение без права на пенсию предполагает независимость болезни от военной службы, а значит не дает права на пособие⁵¹. Недостаточная осведомленность с действующими законоположениями и вводимыми государством мерами помощи на местах выявляла неоднородность этих положений и мер, отсутствие в них систематичности, указывая на зазор между положениями и практиками их применения.

Схожей была ситуация с резолюциями I съезда: позиционировавшиеся в отчете как будущие законопроекты полноценной социальной программы, они по большей части так и не были приняты ни Временным, ни большевистским правительством в первый год его существования⁵², что создавало на местах непонимание законодательных границ помощи. Восприняв доклады секций как руководство к действию или уже наступившую правовую реальность, с мест присылали просьбы официального подтверждения принятых на съезде положений, а на общих собраниях и разного уровня местных съездах происходило подтверждение как уже предложенных съездом льгот и требований, так и выдвижение новых.

Особый статус побуждал к требованиям приоритета в получении чего-либо, кроме права на бесплатные услуги и иные меры поддержки (лечение, обучение, проезд, право на льготную пересылку почтовых отправок, на льготное получение земельных наделов, медикаментов и сельскохозяйственных орудий), «без очереди»⁵³. Так, для поездки в санатории и лечебницы военным инвалидам «должны предоставляться самые полезные месяцы года», а на получение должностей увечные должны иметь «преимущественные права»⁵⁴. Большинство предложений

⁴⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 111; д. 18, л. 33.

⁴⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 33, 50; д. 56, л. 140б.; д. 42, л. 59.

⁵⁰ Речь идет о выступлении генерала Корнилова и событиях Гражданской войны на Дону и в Украине. ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 88.

⁵¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 34, 51.

⁵² Не считая изменений в Поразрядном расписании болезней и телесных недостатков, принятых летом 1917 года и способствовавших уточнению медицинской классификации при определении разрядов военной инвалидности, об этом см. Охотникова (2023).

⁵³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 95.

⁵⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 7, л. 14–15об.

оформлялись через практику ходатайств – в местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в ЦК Союза, а через него – в соответствующие министерства/наркоматы, отождествляя работу Союза с рекомендательной функцией. Подобный жанр коммуникации с вышестоящими инстанциями был столь повсеместным, что им пользовались без представления о конечном адресате, что было связано, как представляется, в том числе с изменениями власти и названий ее институций⁵⁵: в проекте наказа Елецкого уездного Союза его составители предлагают ходатайствовать о его исполнении «перед кем это следует»; Черниговский Союз, в свою очередь, просит «ходатайства где можно»⁵⁶. Голос Союза, бравшего на себя – на центральном и региональном уровнях – выступление от лица всего сообщества военных инвалидов, выражал претензии и интересовался возможностями, заявлял об амбициях и требовал удовлетворения потребностей.

ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА СОЮЗА: ОТ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА К АПРЕЛЮ 1918 ГОДА

Со сменой политической власти в октябре 1917 года изменилось и положение Союза. В конце ноября 1917 года Министерство (переименованное под руководством Александры Коллонтай в Народный комиссариат государственного призрения) выпустило декрет, подтвержденный Советом народных комиссаров через месяц⁵⁷, об упразднении Временного Общегосударственного комитета, завершая, таким образом, ликвидацию всех созданных до октября 1917 года общественных организаций, задействованных в помощи увечным воинам. Единственным действующим оставался Союз увечных воинов, которому и передавалось полное руководство. Чем было вызвано принятие декрета – необходимостью централизации функций, желанием новой власти опираться скорее на «автономно организованных фронтовиков», чем на «буржуазно-дворянских филантропов» (Физелер 2007:51), «антисоветской» позицией отдельных комитетов помощи (Долидович и Катцина 2011:267) – сказать наверняка трудно.

Декрет вызвал раскол внутри ЦК Союза⁵⁸, часть Правления которого работала в Общегосударственном комитете помощи военно-увечным (том самом, где половина мест была отдана членам Союза). Не признавая декрет, вышедшие члены правления по сути не признавали власть большевиков, что могло быть воспринято как контрреволюционное действие. Борясь с этой позицией, оставшаяся часть правления при создании нарратива о произошедшем расколе в циркулярах для местных союзов и в

⁵⁵ Министерство государственного призрения – при Временном правительстве; Народный комиссариат государственного призрения – с 1 ноября 1917 года; Народный комиссариат социального обеспечения – с 26 апреля 1918 года.

⁵⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 46, л. 35; д. 87, л. 30.

⁵⁷ «Декрет об упразднении комитетов помощи военно-увечным и передаче дела помощи увечным воинам и их семьям Всероссийскому союзу увечных воинов 23 декабря (5 января 1918 г.)», в *Декреты Советской власти*, том 1, 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. (М.: Политиздат, 1957), 287.

⁵⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 8, л. 65–65а.

собственном журнале обвиняла своих противников в следовании личной выгоде вместо заботы об организации помощи. Их упрекали в стремлении сохранить собственные «теплые места» в упраздненном комитете, пеняли на забытые «святыне обязанности»⁵⁹, тогда как «служение интересам увечного мира»⁶⁰ определялось в качестве высшей ценности и нравственной цели инвалида – члена Союза.

Тем не менее для оставшихся членов Союза принципиальным стал сам факт принятия декрета как свидетельство возможности автономии, доказательство того, что «голос» инвалидами был обретен и обществом услышан. Появившаяся еще до декабря 1917 года практика ходатайств в ЦК Союза, а через него в государственные органы, после декрета распространилась еще шире. Одной из таких инициатив была идея реквизиции помещений, имуществ и земель в пользу местных союзов⁶¹. В своем письме Самарский губернский союз, просящий ЦК в сентябре 1917 года ходатайствовать о «немедленной передаче» всей газетной торговли в железнодорожных киосках в свое ведение⁶², в качестве обоснования ссылается на резолюции I съезда. В самом тексте отчета о съезде, правда, упоминается лишь доклад Николая Беляева о «возможности использования» киосков и предложение к Министерству государственного призрения «ознакомиться [. . .] и, если окажется возможным, передать»⁶³. Широкая трактовка способствовала популяризации идеи передачи «в распоряжение» на местах – союзы просили о передаче киосков и лавок при курортах, учебно-показательных мастерских и гостиниц⁶⁴, аргументируя свои требования упразднением организаций – бывших хозяев, бесхозностью помещений и возможностью полезного для инвалидов их переустройства. Реагируя на эти запросы, ЦК Союза перенаправлял ходатайства в Наркомат государственного призрения, параллельно подготовив законопроект о передаче в ведение Всероссийского Союза увечных воинов монастырских земель и помещений, аргументируя его целесообразность в том числе ссылкой на частоту подобных требований с мест⁶⁵.

⁵⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 8, л. 65а; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 5об.

⁶⁰ Последнее будет активно подчеркиваться в ходе II Всероссийского съезда; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, 42, 45. В то же время на съезде будет предложено создать «специальный орган» по делам военно-увечных – посреднический орган с равным представительством членов Союза и органов власти, по сути возрождающий ликвидированный по декабрьскому декрету Временный Общегосударственный комитет. Характерно, что этот проект был предложен именно А. М. Каминским – бывшим членом Временного Общегосударственного комитета, состоявшим в той части Правления, которая на III сессии ЦК отказалась признавать декабрьский декрет; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 24об.; д. 43, л. 32.

⁶¹ Практика реквизиции получала все большее распространение по мере развития Февральской революции и процесса «рассеивания власти» (Orlovsky 2018), выходя за рамки чисто государственной функции: в этом можно видеть как продолжение позднимперских методов военного времени в условиях нарастающего насилия, так и реализацию революционных принципов уравнивания и справедливости (Розенберг 2019; Stites 1989:124–130).

⁶² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 37, л. 4.

⁶³ *Отчет о трудах*, 40.

⁶⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 88, л. 14; д. 55, л. 1; д. 87, л. 5.

⁶⁵ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 87, л. 17–18.

Играя во взаимоотношениях с центральной властью роль выразителя интересов регионов, ЦК Союза одновременно становился представителем власти центра в коммуникации союзов и исполнительных органов на местном уровне, определяя границы дозволенного. Так, жалобу Александровского уездного союза в январе 1918 года на захвативший кинематограф местный Совет рабочих и солдатских депутатов, который сам союз собирался «реквизировать»⁶⁶, Правление ЦК постановило «оставить без последствий»⁶⁷. Однако когда в феврале 1918 года в ЦК пришла просьба от комиссара по делам увечных воинов при Наркомате разобраться с местными союзами, которые «не желают считаться» с Советами, «производя самочинные захваты чужого имущества»⁶⁸, правление разослало циркуляр на места, указывая на недопустимость захватов и нарушение «государственного правопорядка», на важность «постоянного контакта» с Советами и возможное «ослабление общественных симпатий»⁶⁹. Не одобряя «играющие не по правилам» местные отделения, ЦК Союза занимал позицию актора лояльного советской власти в центре и на местах, одновременно заявляя себя как легитимного субъекта внутри политической системы и поддерживая внутреннюю иерархию Союза.

В то же время акцент на соблюдении законности проявлялся в исполнении центральным Союзом патримониальной роли защитника своих отделений на местах. Так, на присланное в центр ходатайство Союза города Боровичи «о заступничестве [. . .] в виду несправедливых, по отношению к Союзу, действий местного Комиссара Труда» Правление ЦК отреагировало решением «немедленно принять все меры к восстановлению попранных прав», а на жалобу Союза Новооскольского уезда о местном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не признающего полномочия Союза, отправило в Совет копии государственных декретов с разъясняющим письмом⁷⁰. Обращаясь в центр за защитой, местные союзы исходили из представления о легитимности собственных действий, передавая центру полномочия выразителя и защитника всей организации в коммуникации с центральной и местной властью.

Кроме медиации в отношениях региональных союзов с властью на местном или государственном уровне ЦК Союза исполнял уведомительные функции в коммуникации между союзами. Так происходило, если региональный союз был связан с ресурсами, необходимыми всем увечным воинам. Особое положение занимал отвечавший за распределение военных инвалидов «по санаториям и лечебным станциям» Пятигорский союз, располагавшийся в зоне их сосредоточения: отправляя своего делегата на заседание Правления ЦК, он просил местные союзы, ввиду

⁶⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 37, 38. Присланный в том же месяце устав Александровского уездного союза, как сообщалось в письме, не был утвержден окружным судом, потому что «окружные суда не функционируют [функционируют]» – отсутствие судебной власти, вероятно, создавало дополнительные сложности.

⁶⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3, л. 52об. В тот же день Правление рассматривало ходатайство Александровского союза о передаче ему «местных монастырских заведений», его было решено передать «на разработку юрисконсульту».

⁶⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 93.

⁶⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 104.

⁷⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3, л. 50об.; д. 40, л. 106, 109.

ограниченности мест в лечебных учреждениях, «предварительно, письменно или телеграфно, сообщать об отправлении больных»⁷¹, о чем Правлением был разослан соответствующий циркуляр. Похожую стратегию использовал Московский Союз, прося ЦК в январе 1918 года оповестить местные союзы о прекращении приема в общежития увечных воинов «ввиду переполнения [. . .] и полного отсутствия в г. Москве продовольствия»⁷²: так проявлялся статус Москвы и ее Союза как второго после Петрограда центра скопления военных инвалидов (О’Доннелл 2017).

Нередко центр исполнял роль арбитра, реагируя на сообщения о конфликтах между союзами. Обычно они возникали между союзами в одном регионе – обращаясь к центру, они просили определить, какая из организаций является легитимной (губернская или городская, солдатская или офицерская, изначальная или эвакуированная из Петрограда) – Правление ЦК разбирало письма на заседаниях, в крайнем случае – направляя своего представителя в область напряжения⁷³. Разбросанные по территории бывшей империи, занимавшие разные уровни в иерархии Союза и имеющие различные условия существования и ресурсы, союзы на местах обращались к центру и как к передатчику, и как к третьей стороне. Центр, в свою очередь, стремился упорядочить этот хор разнонаправленных голосов, выработать для них правила и поддерживать иерархию. Так совместными усилиями производилось сообщество военных инвалидов как организованное и обладающее правами как на этическом, так и правовом уровне.

Существовать в роли полугосударственного органа Союз, однако, смог недолго. Уже 26 апреля 1918 года Совет народных комиссаров постановил передать «руководящую и направляющую роль в деле социального обеспечения» переименованному в этот же день Комиссариату социального обеспечения под руководством Александра Винокурова⁷⁴. Смена названия государственного органа предполагала окончательный переход социальной политики к модерной, ориентированной на превалирование роли государства; переход от призрения к обеспечению, от возможности к обязанности – искоренение пережитков «старого времени» (Катцина 2005:99) заявлялось как основная мотивация.

Однако говорить о произошедшем перенаправлении лишь как о результате спланированного решения советской власти не приходится. В этот же период часть Правления ЦК была арестована по подозрению в растратах и хищениях⁷⁵. При этом большинство формулировок апрельского декрета сводится к проблеме распределения финансов – сметы получают санкцию от местных отделов Комис-

⁷¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3, л. 36об.–37.

⁷² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 22, л. 4.

⁷³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 31; д. 3, л. 26, 107, 120.

⁷⁴ «Декрет о сосредоточении руководства социальным обеспечением увечных воинов в Народном комиссариате социального обеспечения и его отделах при Советах от 26 апреля 1918 г.», в *Декреты Советской власти*, том 2, 17 марта – 10 июля 1918 г. (М.: Политиздат, 1959), 182–183.

⁷⁵ ГАРФ, ф. 4390, оп. 11, д. 37. О нарушениях старого Правления много говорили и на II Всероссийском съезде – была создана Ревизионная комиссия, свидетельствами делились служащие Правления; см. ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 43.

сариата, через них же пересылаются средства, «решающее слово в деле [...] расходования государственных средств» закрепляется за государством⁷⁶. Подобный поворот отразился на деятельности региональных союзов, откуда стали поступать жалобы о «разгоне» и «уничтожении»⁷⁷ организаций местными Советами и отделами Комиссариата, изменились и планы по созыву II Всероссийского съезда.

II ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД УВЕЧНЫХ ВОИНОВ: КУЛЬМИНАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Принципиальное несогласие с решением власти, зафиксированным в апрельском декрете, побуждало членов Союза искать пути для отстаивания границ самостоятельного действия внутри организации помощи. Отложенный на месяц из-за ареста Правления II Всероссийский съезд (состоялся в мае-июне 1918 года), в этой ситуации становился пространством для выработки единой позиции, координационным центром региональных голосов. Прибывшие из разных уголков бывшей Российской империи 183 делегата не только готовили доклады по вопросам помощи⁷⁸, но и активно обсуждали декреты советской власти и свое место внутри государственной системы социального обеспечения. Не менее важно было сформулировать позицию относительно арестованного Правления – региональные делегаты жаловались на отсутствие средств из центра, служащие ЦК обвиняли Правление в бездействии⁷⁹; связывая арест и выход декрета как причину и следствие, собравшиеся обличали бывшее руководство. Делегаты-инвалиды считали, что произошедшее «смешало с грязью» Союз и «опорочило чистое, святое, честное имя» каждого инвалида⁸⁰. Метафора грязи/пятна/омута была крайне популярна при обсуждении этого вопроса на съезде – отсылая к одному и тому же значению, авторы закрепляли нарратив, противопоставляющий собственные благие намерения и корыстные помыслы бывших членов. Используя дистанцирование как практику, они пытались релегитимировать собственный статус как организации – создать репутацию и вернуть доверие (в первую очередь – в глазах советской власти, заявляя, в частности, о том, что участники организации потеряли здоровье в «борьбе с царским режимом и контр-революцией»⁸¹).

Несмотря на оглашение в первые дни съезда объяснительной записки Винокурова к декрету, делегаты оценивали этот документ как составленный «в слишком общих выражениях», «туманный», а мотивы его представляли неясными⁸². Вопрос о мотивах

⁷⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 44.

⁷⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 73, 76.

⁷⁸ Большинство вынесенных резолюций повторяло прошлогодние предложения (изменения касались того, что определялось новым политическим контекстом); все также инвалиды настаивали на «декретизировании выше именованных постановлений»; см. ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 43, л. 41.

⁷⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 55–62.

⁸⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 6; д. 42, л. 71; д. 43, л. 19.

⁸¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 64.

⁸² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 47, 81; д. 45, л. 28.

власти был решен приглашением ее представителей на съезд: заместитель при бывшем наркоме социального обеспечения Александре Коллонтай Иван Егоров ретроспективно объяснял принятие декабрьского декрета слабой к тому моменту организованностью советской власти, а представлявший Всероссийский центральный исполнительный комитет будущий нарком здравоохранения РСФСР Николай Семашко характеризовал его как «декрет момента»⁸³. Апрельское же решение мотивировалось нерациональностью трат, упоминавшейся в объяснительной записке наркома Винокурова как минимум четырежды⁸⁴, и «распадом» организации в центре⁸⁵. Противясь такому взгляду и вступая в борьбу за сохранение права собственного голоса, собравшиеся представляли апрельский декрет «разъяснением, а не отменой» декрета декабрьского, а свою деятельность по его обсуждению формулировали как необходимость его «детального разъяснения и конкретизации во избежание разнообразных толкований и неясностей при его применении на деле»⁸⁶.

Итогом двухнедельных обсуждений стала резолюция, позиционировавшая Союз исполнителем «практической работы», при этом организация сохраняла своих представителей в государственных органах помощи в соответствии с «принципами коллегиальности и паритетности»⁸⁷. Таким образом, соглашаясь на руководящую роль власти в вопросах помощи, члены Всероссийского съезда стремились сохранить пространство самостоятельного действия, отстоять автономность голоса, претендуя на сотрудничество с властью, а не подчинение ей.

«Проведение в жизнь» резолюции было возложено на делегацию, отправленную на переговоры с властью еще во время съезда, а также на вновь избранный ЦИК Союза⁸⁸. Комиссариат отреагировал на это изданием в июне 1918 года разъяснения, прописывающего разделение дела помощи на сферы государственной обязанности и самостоятельной инициативы. В первом случае подразумевались вопросы долечивания, протезирования, выдачи пенсий, обеспечения полностью нетрудоспособных, во втором – все, что связано с «дальнейшей судьбой» увечного – артелями, биржами труда, просвещением. Теперь помощь Союзу от государства предполагалась субсидированная, не предполагалось содержание за счет государства самой организации и ее центральных органов – как минимум предлагалось сократить их численность, как максимум – упразднить их вовсе. Кроме того, в распоряжении упоминались «ступени вмешательства Государства» в дело помощи увечным – сначала назначение в союзы комиссаров «для реорганизации дела помощи на рациональных началах», затем – полная передача в от-

⁸³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 68; д. 42, л. 17.

⁸⁴ Интересно, что в этом же документе в качестве одного из мотивов декрета упоминаются приходящие от местных союзов жалобы «на то, что ЦК ВСУВ не посылает им денег», делая видимым коммуникацию региональных отделений Союза и центрального органа власти напрямую; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 3–3об.

⁸⁵ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 83.

⁸⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 27–28.

⁸⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 22–24об.

⁸⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 22–24об.; д. 43, л. 23, 27.

дела Наркомата⁸⁹. Винокуров, выступая перед новым Правлением ЦИК Союза в середине июня 1918 года, редуцировал функцию Союза до консультативной, а возможности представительства ограничивал «партийными товарищами»⁹⁰ из числа его членов. Новый статус окончательно был признан Союзом в июле 1918 года в разосланном ЦИКом по местным отделениям циркуляре. Его авторы подтверждали согласие Союза на «руководство, контроль и назначение комиссаров» и считали главным успехом то, что «удалось отстоять дело Союзов». Союз, утративший многие полномочия, все еще выступал выразителем позиции всего сообщества военных инвалидов, представляя последнее как консолидированный «увечный мир»⁹¹.

Участники съезда – последнего крупного (по охвату и многоакторности) события в истории Союза – стремились зафиксировать статус-кво, согласуя между собой те значения о роли Союза и положении увечного воина как его члена, которые формулировались в течение предшествующего периода его существования. Центральным становилось позиционирование себя через дискурс деятельности – самостоятельности, борьбы, активного участия в деле помощи, солидарности в рамках своей социальной группы, общности голоса. Попытки закрепления авторитета, лоббирования собственных проектов перед государством не увенчались успехом для представительной организации военных инвалидов, тем не менее они превращали увечного воина через приобретенный опыт самостоятельной деятельности и политического участия из калек и объекта помощи в полноправного и действующего субъекта.

История конца Союза остается туманной. Сформированное после II съезда Правление в течение лета и осени, согласно протоколам, отправляло своих представителей в различные комитеты и комиссариаты, предлагало создать комиссию для разработки устава трудовых артелей и ходатайствовало о приглашении своих членов в комиссию по выработке страхового закона⁹². Однако уже в октябре 1918 года Народный комиссариат социального обеспечения запрашивает у своих местных отделов сведения обо всех функционирующих в регионе учреждениях помощи увечным воинам, а через полгода распоряжается принять их в свое ведение⁹³, при этом самые поздние известные документы ЦК Союза не выходят за границу 1918 года. Так постепенно участие Союза и увечных, которых он представлял, в организации помощи сокращается и прекращается – вопросы социального обеспечения инвалидов войны становятся исключительно государственной прерогативой.

⁸⁹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 35–36.

⁹⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 19–20. В циркуляре для местных отделов Комиссариата использовалась формулировка «большевиков и сочувствующих им»; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 52.

⁹¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 42–43.

⁹² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 1–201.

⁹³ Распоряжение № 76, 19 октября 1918 г. «Всем Губернским Отделам Социального Обеспечения», <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/135237#mode/inspect/page/1/zoom/4>; Распоряжение № 153, 20 мая 1919 г. «Всем Губернским Отделам Социального Обеспечения», <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/135315#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

ЭПИЛОГ

Получив со свержением монархии гражданские права, социализировавшиеся в армии и на фронте инвалиды превратились из «солдат-рабов» в «солдат-граждан» (Badcock 2007:147), используя самоорганизацию для воплощения собственного взгляда на вопросы помощи. Установка на всероссийский масштаб Союза, заданная I съездом и закрепленная в принятом по его результатам уставе, стимулировала коммуникацию между центром и отделениями, открывавшимися в регионах. Голоса с мест, жанрово выраженные через жалобы, просьбы и требования, объединялись мотивацией местных союзов всех уровней заявить о своем существовании, активности, результатах и внешних обстоятельствах своей работы. Апеллируя к финансовым трудностям, несправедливому отношению местной власти или безразличию общества, через акт письма их авторы пытались встроиться в систему распределения ресурсов, утвердить собственную позицию по поводу мер и способов организации помощи. Траектории коммуникации обуславливались степенью приближенности к ресурсам и отдаленности от центра, становясь, наряду с ситуацией нестабильного военно-политического положения и неочевидности («какое положение примет вообще все государство Российское»⁹⁴) инструментом обоснования для одних действий и непреодолимым препятствием – для других.

Центр, в свою очередь, занимался одновременно осведомлением и передачей информации, координировал коммуникацию между союзами и государственными органами разных уровней, распределял ресурсы и согласовывал позиции, рассуживал и защищал подопечных, определяя и поддерживая границы легитимного действия. Согласно составленным в ЦК к марту 1918 года спискам организованных союзов, всего было 928 союзов (включая уездные, городские и волостные) в 52 губерниях⁹⁵. Стремление к «всероссийскому» статусу требовало немалых административных ресурсов. В какой степени ими обладал Союз увечных воинов – остается вопросом дискуссионным.

Союз увечных воинов, поддержанный в рамках «радикальной демократизации» первых месяцев власти левых социалистов, со сменой впоследствии курса на мобилизацию и дисциплину (Стейнберг [2017] 2018:149–151), оказался отстранен от участия в распределении государственных финансов и влияния на решения органов власти. Сопrotивляясь такому повороту, члены Союза, собравшись на II Всероссийский съезд, стремились отстоять свою решающую роль. Их борьба за автономию, с опорой на легитимные практики и артикуляцию политической субъективности военного инвалида, «заслуженной» в результате полученного по вине государства увечья и «завоеванной» в условиях революционных изменений, в итоге была проигнорирована – пространство для проявления голоса постепенно сжималось и исчезало.

⁹⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 21.

⁹⁵ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 82. Несмотря на это, в июне 1918 года на II Всероссийский съезд прибыли делегаты лишь от 40 регионов (ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 46) – сказалась начинающаяся Гражданская война и вызванное ею нарушение железнодорожного сообщения.

Почему судьба Союза сложилась таким образом? Александр Зумпф в своей книге о российских военных инвалидах посвящает главу истории Союза. Он полагает, что, несмотря на политическую мобилизацию в тылу и демократизацию 1917 года, структурные слабости организации, «неверные ставки» на аполитичность и объединение по факту военной инвалидности (без различия на виды), наряду с большевистским стремлением к централизации, не позволили увечным воинам закрепить за собой сколько-нибудь значимый институциональный статус (Sumpf 2022:194–230). Если аргумент о структурных слабостях вызывает сомнение (организация имела четкую структуру и функционировала как на центральном, так и на региональном уровнях), то отношение новой, советской власти к Союзу очевидно являлось ключевым условием его существования после октября 1917 года. Можно предположить, как складывался образ военных инвалидов в глазах новых властей. Протесты против большевиков (действительных или мнимых)⁹⁶ и поддержка войны «до победного конца», участие организаций военных инвалидов (пусть и не связанных с Союзом увечных воинов) в антибольшевистских акциях предопределяли восприятие инвалидов в целом как антибольшевистской силы. Левые социалисты, оказавшись у власти в столицах и во многих провинциальных центрах осенью 1917 года, должны были воспринимать инвалидов и их организации не иначе как врагов. Раскол ЦК после декрета декабря 1917 года, вызванный политическими причинами, стал последним подобным проявлением, маркируя последующий упор на аполитичность. Так, в номере журнала ЦК, вышедшем меньше чем через месяц после произошедшего раскола, была опубликована статья П. Морозова, критикующего разделение военных инвалидов по политическим позициям, и объединяемых автором, прежде всего, самим фактом увечности: «здоровье, утраченное совместно, сила, ушедшая на общее дело – это нечто высшее мелких дрязд ежедневной политики»⁹⁷. Проповедуемый центральным институтом, воспринятый на местах и усиленно воплощаемый в ходе II Всероссийского съезда отказ от занятий «политиканством» служил прагматической цели сохранить собственную организацию в новом политическом окружении.

Что же касается отсутствия «фракций» по видам инвалидности внутри Союза, это действительно провоцировало замещение голоса всей социальной группы голосом «инвалидных элит» (Lang 2009:277) Союза – отсутствие «нервно-больных» и «душевно-больных» воинов в качестве представителей и обсуждаемых групп⁹⁸ свидетельствовало о преимущественной роли тех, кто утратил конечности: в производстве дискурсов о военных инвалидах Первой мировой, в позиционировании группы в отношениях со сменяющейся властью и выстраивании организационной структуры во всероссийском масштабе.

⁹⁶ О вариациях «большевизма» в 1917 году см. Тарасов (2022а, 2022б).

⁹⁷ П. Морозов, «Вне политики», *Увечный воин*, 5 января 1918 г., ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 89, л. 10.

⁹⁸ В отличие от слепых военно-увечных, выделявшихся в отдельную секцию на обоих Всероссийских съездах; тон итоговых резолюций в 1917 и 1918 годах, однако, различен, согласуясь с упреками слепых делегатов II съезда о «невнимательности», «притеснении» и невыполнении обещаний в отношении этой социальной группы. См. *Отчет о трудах*, 59–61; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 42, л. 45–48.

Важно подчеркнуть, что замещение позиции всего сообщества позицией Союза производилось также через различие между помогающими и тем, кому помогают. Так, призыв к созданию союзов, опубликованный еще в первом номере «Голоса», мотивировал читателей-инвалидов: «время не ждет, миллионы Ваших товарищей, страдая, ждут помощи. Наш долг помочь им»⁹⁹. Используемые членами Союза обращения к «калекам с их семьями», голодающим и искалеченным братьям конституировали центральную роль Союза, который, решая «государственное дело за всю Россию», позиционировал себя защищающим «весь увечный мир, все семейства, всех несчастных»¹⁰⁰. Провозглашаемая сознательность, независимость и полноправность присваивалась, таким образом, лишь организаторам. Легитимируя свою деятельность через категорию морального долга, члены Союза выстраивали иерархию, закрепляющую за ними право голоса от лица всего сообщества. Осуществляя попытку гегемонии над порядком дискурса (Fairclough 2003:58), они действовали исходя из приобретенного права требовать, репрезентировали сообщество как имеющее особый статус, и идентифицировали его членов через моральный порядок.

Объединение по фактору увечности позволило военным инвалидам занять публичное пространство. Вместе с тем за кажущейся гомогенностью пережитых страданий стояла рассогласованность в предпочтениях политических платформ или мнениях о способах экономической поддержки местных союзов, которую центральный институт стремился упорядочить, представляя и, тем самым, производя сообщество военных инвалидов в качестве единого. Однако способствовало ли это уменьшению политической субъективности военных инвалидов как представителей собственного Союза и в какой степени? Как мне кажется, прямой зависимости здесь не обнаружить.

Возвращаясь к судьбе Союза как организации, не стоит забывать и внешние обстоятельства работы, которые в годы революции и Гражданской войны были отнюдь не благоприятными. Отмеченные еще в отчете Общегосударственного Комитета за осень-зиму 1917 года трудности, вызванные «политическими потрясениями»: угрозы эвакуации, неустойчивость сообщений и функционирования учреждений, смена министров государственного призрения, «разруха» в Министерствах и «во всем аппарате Центрального Государственного Управления»¹⁰¹ – не исчезли и в 1918 году.

Существенной проблемой на всех уровнях был недостаток средств. Так, постановление Совета народных комиссаров о выдаче процентных надбавок к пенсиям военно-увечных от 16 декабря 1917 года осталось на бумаге, что подтверждают письма в ЦК с мест, сообщающие в январе-феврале 1918 года о сохранении старых окладов и отсутствии распоряжений о надбавках в местных казначействах – уже к марту 1918 года Комиссариат финансов был вынужден признать выдачу повышенных пенсий невозможной¹⁰².

⁹⁹ «Увечным, больным и раненым воинам всей России», *Голос инвалида*, 15 июня 1917 г., 4.

¹⁰⁰ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 45, л. 32; д. 2, л. 37; д. 8, л. 65а; д. 45, л. 32; д. 42, л. 71.

¹⁰¹ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 7, л. 1–13.

¹⁰² ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 33, л. 1, 4–20, 67.

Одновременно с мест постоянно сообщали, что на организацию «нет ни гроша», союзы находятся «в крайне критическом положении», испрошенные в более ранних письмах средства в союзы не приходят, а потребность в помощи «промедления не терпит»¹⁰³. Свои жалобы региональные союзы аргументировали необходимостью помощи увечным, угрожали возможностью полного закрытия, ссылались на первичность требований: «Центральный Исполнительный Комитет тоже еще нам ничего не дал»¹⁰⁴. Союзы не только писали, но и отправляли своих делегатов на заседания Правления ЦК¹⁰⁵, однако эти поездки не всегда складывались удачно: разгоравшаяся Гражданская война (Галлямова 2019) не позволила делегату краевого Дальневосточного съезда Воеводину, отправленному в центр за субсидированием и для выяснения организационных вопросов, доехать в марте 1918 года «по случаю возникших военных действий на линии Кит[айско-]Вост[очной], Забайкальской и Амурской железных дорог»¹⁰⁶.

Не менее важным фактором был ценностный разрыв между укрепляющейся советской властью и Союзом, его социальной программой. Уже в феврале 1918 года, описывая деятельность местного Союза увечных, Полтавская губернская управа совместно с отделом призрения при местном Совете рабочих и солдатских депутатов заключает о недопустимости в условиях «диктатуры трудового класса» создания новых привилегий, не имеющих «ничего общего с понятием о труде», отрицая возможность работы увечных воинов в органах помощи, так как организацией должны заниматься люди «совершенно здоровые физически»¹⁰⁷. Похожим образом, в пересказе работавшего представителем при Комиссариате Николая Беляева, высказывался комиссар Винокуров: увечным воинам «не какого преимущества дано быть не может»¹⁰⁸. Оценивая через год произошедшие изменения, Винокуров рассматривал союзы «утратившими смысл своего существования» после апрельского декрета, критикуя саму тенденцию выделения и объединения по принципу увечности: «Борьба с инвалидностью должна вестись [. . .] путем растворения их в здоровой рабочей массе и в рабочих профессиональных союзах. [. . .] Только этим путем и возможно возвращение инвалидов в трудовую колею и никакая агитация и пропаганда, никакие ячейки без этого не дадут основательных результатов»¹⁰⁹. Особый статус, декларируемый представительной организацией увечных воинов, не признавался советской властью, что в итоге привело к постепенному свертыванию деятельности Союза и возвращению военных инвалидов на позицию объекта помощи.

¹⁰³ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 2, л. 37, 19, 107; д. 90, л. 5.

¹⁰⁴ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 90, л. 9; д. 2, 116; д. 59, л. 1–2; д. 2, л. 37.

¹⁰⁵ Так, в протоколах сохранились записи о выступлениях представителей Туркестанского, Кубанского, Екатеринбургского, Юрьево-Польского, Пятигорского, Московского, Харьковского союзов; ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 3, л. 7–106.

¹⁰⁶ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 59, л. 10.

¹⁰⁷ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 40, л. 98–98об.

¹⁰⁸ ГАРФ, ф. А-3931, оп. 1, д. 1а, л. 49.

¹⁰⁹ ГАРФ, ф. А-413, оп. 2, д. 168, л. 180.

Создание Союза после Февральской революции обусловило выстраивание его участниками порядка дискурса о военной инвалидности с опорой на социальные практики периода «демократизации» (Колоницкий 2006), ценившего проявление голоса в форме самоорганизации, обещавшего более внимательное отношение к ранее безмолвным группам и культивировавшего идеал деятельного, сознательного гражданина нового государства. Приход и укрепление советской власти изменили положение, поставив в центр идеологическую солидарность и установив новую социальную иерархию. Совпадая с другими европейскими формами самоорганизации военных инвалидов в своих изначальных целях – лоббирования мер помощи перед государством или внутренней солидаризации сообщества – организаторы Союза оказались неспособны адаптироваться к трансформации политического ландшафта, до последнего убежденные, что их «голос будет услышан».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Букалова, Светлана и Павел Щербинин. 2020. «"Хозяева увечного дела": становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* 25(187):148–159.
- Галлямова, Людмила. 2019. «Российский Дальний Восток в преддверии Гражданской войны и иностранной военной интервенции». С. 211–229 в *Эпоха Революции и Гражданской войны в России: проблемы истории и историографии*, под ред. Владимира Калашникова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ».
- Гордеев, Петр. 2019. «Демократия в придворном ведомстве: самоорганизация служащих Царскосельского дворцового управления в 1917 году». *Russian Colonial Studies* 1:51–59.
- Долидович, Олеся и Татьяна Катцина. 2011. «Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года – 11 марта 1918 года)». *Журнал исследований социальной политики* 9(2):255–276.
- Еремин, Игорь. 2006. «Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)». *Известия Томского политехнического университета* 6(309):202–205.
- Икэда, Ёсиро. 2022. «"Гражданин" в революционном дискурсе, февраль 1917 – июль 1918 г.». С. 180–203 в *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России*, под ред. Бориса Колоницкого и др. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Иоффе, Генрих. 1989. *«Белое дело». Генерал Корнилов*. М.: Наука.
- Калашников, Владимир, ред. 2019. *Эпоха Революции и Гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии*. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ».
- Катцина, Татьяна. 2005. «От общественного призрения к социальному обеспечению». С. 89–103 в *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*, под ред. Павла Романова и Елены Ярославской-Смирновой. Саратов: ЦСПГИ.
- Катцина, Татьяна. 2017. «Социальная помощь инвалидам войны в годы "великих потрясений" (1914–1921): региональный аспект». С. 111–115 в *Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: материалы Сибирского исторического форума (Красноярск, 25–26 октября 2017 г.)*. Красноярск: ООО «Лаборатория развития».
- Колоницкий, Борис. 2006. «Язык демократии: проблемы "перевода" текстов эпохи революции 1917 года». С. 152–189 в *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века*, под ред. Николая Копосова. СПб.: Алетейя.
- Колоницкий, Борис. 2012. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб.: Лики России.

- Кузбер, Ян. 2017. «Петроград в годы войны и революции, 1914–1924». С. 52–78 в *Города империи в годы Великой войны и революции*, под ред. Алексея Миллера и Дмитрия Черного. СПб.: Нестор-История.
- Лебина, Наталья, Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова. 2007. «Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы». С. 21–67 в *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность*, под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.
- Миллер, Алексей и Дмитрий Черный, ред. 2017. *Города империи в годы Великой войны и революции*. СПб.: Нестор-История.
- Нарский, Игорь. 2001. *Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М.: РОССПЭН.
- Обухов, Леонид и В. Федотов. 2007. «Предисловие». С. 14–29 в *1917 год в Пермской губернии: сборник документов*. Пермь: Издательство «Пушка».
- О’Доннелл, Энн. 2017. «Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920». С. 19–51 в *Города империи в годы Великой войны и революции*, под ред. Алексея Миллера и Дмитрия Черного. СПб.: Нестор-История.
- Охотникова, Ольга. 2022. «“Увечные воины”: социальный статус военных инвалидов в российской публицистике 1914–1916 годов». *Россия и современный мир* 3:40–60.
- Охотникова, Ольга. 2023. «Паспорт увечного воина: медицинская экспертиза и бюрократические практики обращения с инвалидной телесностью в 1917–1918 гг.». *Социология власти* 35(3):152–184.
- Розенберг, Уильям. 2019. «Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданской войне в России, 1918–1920». С. 73–93 в *Эпоха Революции и Гражданской войны в России: проблемы истории и историографии*, под ред. Владимира Калашникова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ».
- Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах)*. 1925. М.: ЦСУ.
- Старостенко, Юлия. 2018. «Создание Союза зодчих: опыт самоорганизации зодчих на фоне событий 1917 года». *Артикульт* 1(29):67–74.
- Степочкина, Елена. 2014. «Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны». С. 285–289 в *XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник*, вып. 2. Самара: Самарская областная универсальная научная библиотека.
- Стейнберг, Марк. (2017) 2018. *Великая русская революция, 1905–1921*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Тарасов, Константин. 2022а. «“Большевизм” как собирательный образ врагов революции 1917 г.». С. 265–295 в *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России*, под ред. Бориса Колоницкого. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Тарасов, Константин. 2022б. «“Ленинцы” и “большевики” в политическом языке 1917 г.». С. 233–264 в *Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России*, под ред. Бориса Колоницкого. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Тойкина, Наталья, ред. 2017. *1917 год в истории Удмуртии: документы и материалы*. Ижевск: Удмуртия.
- Туманова, Анастасия. 2014. *Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)*. М.: РОССПЭН.
- Физелер, Беате. 2007. «Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской “революции сверху”». С. 49–64 в *Опыт мировых войн в истории России*, под ред. Игоря Нарского. Челябинск: Каменный пояс.
- Филимонов, Виктор. 1999. «Великий переворот свершился. . .». С. 56–59 в *Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году*. Калуга: Фонд «Символ».
- Черкасова, Маргарита. 2018. «Формирование традиций самоорганизации профессионального сообщества нотариусов г. Самары в 1917–1918 гг. (по материалам Самарской губернии)».

- С. 275–280 в *Национальное культурное наследие России: региональный аспект*. Самара: Самарский государственный институт культуры.
- Шашкова, Ольга, сост. 1996. *Февральская революция: сборник документов и материалов*. М.: РГГУ.
- Badcock, Sarah. 2007. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cohen, Deborah. 2001. *The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939*. Berkeley: University of California Press.
- Eichenberg, Julia, and John Newman, eds. 2013. *The Great War and Veterans' Internationalism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.
- Gerber, David. 2003. "Disabled Veterans, the State, and the Experience of Disability in Western Societies, 1914–1950." *Journal of Social History* 36(4):899–916.
- Hoffman, David. 2011. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Holquist, Peter. 2002. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lang, Raymond. 2009. "The United Nations Convention on the Right and Dignities for Persons with Disability: A Panacea for Ending Disability Discrimination?" *Alter* 3(3):266–285.
- Lovell, Stephen. 2015. "Stenography and the Public Sphere in Modern Russia." *Cahiers du monde russe* 56(2–3):291–325.
- Magowska, Anita. 2014. "The Unwanted Heroes: War Invalids in Poland After World War I." *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences* 69(2):185–219.
- Orlovsky, Daniel. 2018. "What Was Power in 1917?" Pp. 177–197 in *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22*, bk. 4, *Reintegration: The Struggle for the State*, edited by Christopher Read, Peter Waldron, and Adele Lindenmeyr. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Retish, Aaron. 2008. *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stites, Richard. 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Sumpf, Alexandre. 2022. *The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921*. Cambridge: Cambridge University Press.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ):

Народный комиссариат государственного контроля РСФСР

Ф. 4390. Оп. 11. Д. 37. Материалы о результатах ревизионного обследования лотерейного отдела Центрального комитета Всероссийского союза увечных воинов (доклад о деятельности союза, отчет по денежным операциям, сведения, справки, акты и другие материалы).

Министерство социального обеспечения РСФСР

Ф. А-413. Оп. 2. Д. 168. Переписка с Центральным комитетом Всероссийского союза увечных воинов об организации помощи инвалидам войны. Распоряжения Наркомсобеса.

Центральный исполнительный комитет Всероссийского союза увечных воинов

Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 1а. Протоколы заседаний правления союза и 2-го Всероссийского съезда увечных воинов и материалы к протоколам.

Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 2. Воззвание к увечным и раненым воинам и переписка об организации местных союзов увечных воинов. Цели и задачи союза. Протоколы заседаний съезда союза увечных воинов разных уездов.

Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 3. Протоколы заседаний правления Центрального комитета Всероссийского союза увечных воинов (копии).

- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 7. Доклад о работе бюро общегосударственного комитета помощи военно-увечным за время с 15 сентября по 6 декабря 1917 г.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 8. Смета расходов и положение об организационном отделе и доклад о работе правления Центрального комитета союза увечных воинов. Списки губернских и уездных городов, в которых организованы союзы увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 13. Копии протоколов общих организационных собраний и заседаний союзов увечных воинов Курской губернии и переписка с ними по организационным и текущим вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 18. Протоколы губернского и уездного съездов и общих собраний инвалидов войны и отношения союзов увечных воинов Тамбовской губернии по организационным, хозяйственным и финансовым вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 22. Телеграммы и отношения Московского губернского и городского союзов увечных воинов по организационным вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 29. Отношения союза увечных воинов г. Тулы и Новосильского уездного союза увечных воинов Тульской губернии по организационным, хозяйственным и финансовым вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 33. Копии постановления Временного правительства и переписка с Наркоматом государственного призрения и местными союзами о выдаче процентных добавок к пенсиям, о передаче всех вопросов, связанных с пенсиями в Центральный комитет, проекты новых законов о пенсии и изменения ныне существующих.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 34. Переписка с губернскими, уездными и городскими союзами увечных воинов по организационным, административно-хозяйственным и финансовым вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 37. Входящая переписка от союзов увечных воинов Самарской губернии по организационным, хозяйственным и финансовым вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 39. Входящие письма от союзов увечных воинов Екатеринославской и Уфимской губернии по организационным и текущим вопросам.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 40. Копия декрета Совнархоза, инструкции, протоколы и переписка по ликвидации и передаче всех прежде существовавших организаций и комитетов помощи увечным воинам в ведение Всероссийского союза увечных воинов и об организации местных союзов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 42. Протоколы, доклады и другие материалы Второго Всероссийского съезда увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 43. Обращение к товарищам увечным воинам о критическом положении союза и необходимости созыва 2-го Всероссийского съезда. Протоколы заседания 2-го Всероссийского съезда союза увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 45. Копии протоколов заседания Врачебно-технической и лечебно-курортной соединенной секции 2-го Всероссийского съезда увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 46. Программа, резолюция, списки делегатов 2-го Всероссийского съезда увечных воинов в г. Н. Новгороде.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 47. Распоряжения правления Центрального комитета Всероссийского союза увечных воинов (копии).
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 55. Протоколы заседаний волостных и уездных союзов увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 56. Устав копии протокола заседаний 1 уездного съезда инвалидов войны об организации Вольского уездного союза увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 59. Устав, финансовый отчет и заявление правления союза увечных воинов Уссурийского и Ишанского уездов Д. Восточного края об оказании организационной и финансовой помощи в работе союза.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 82. Списки губернских, областных и уездных городов и селений, в которых организованы союзы увечных воинов к 2 марта 1918 г.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 87. Переписка с Наркоматами Социального обеспечения, военного и морского ведомства и местными союзами увечных воинов о передаче помещений, расформированных и демобилизованных воинских частей и учреждений и приспособление их под мастерские, рабочие дома и санатории для увечных воинов.

- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 88. Переписка с союзами увечных воинов о взимании процентных сборов с устройства зрелищ, об освобождении союзов от почтовых оплат и других местных сборов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 89. Переписка с союзами о правах и преимуществах увечных воинов.
- Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 90. Переписка губернских и уездных союзов увечных воинов об оказании им материальной поддержки и об организации в уездах и губерниях союзов увечных воинов. Устав союза.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АРХИВ (РГВИА):

- Ф. 366. Военный кабинет министра-председателя и верховного главнокомандующего и Политическое управление Военного министерства. Оп. 1. Д. 30. Телеграммы, письма, постановления съездов, общих собраний, комитетов войсковых частей, гарнизонов, местных общественных организаций, партийных организаций, духовенства, казачества с приветствиями военному министру Керенскому А. Ф. в связи с июньским наступлением.
- Ф. 366. Военный кабинет министра-председателя и верховного главнокомандующего и Политическое управление Военного министерства. Оп. 2. Д. 61. Телеграммы, письма, постановления съездов, общих собраний, заседаний комитетов войсковых частей, гарнизонов, местных Советов и других общественных организаций с приветствиями военному министру Керенскому А. Ф. в связи с наступлением, выражение доверия Временному правительству, осуждение деятельности большевиков, о создании добровольческих частей и частей «смерти».

ALL-RUSSIAN UNION OF MAIMED SOLDIERS IN THE STRUGGLE FOR THE RIGHT TO SPEAK OUT: THE ORDER OF DISCOURSE OF THE CENTRAL ORGANIZATION AND REGIONAL BRANCHES IN 1917–1918

Olga Okhotnikova

Olga Okhotnikova, Institute of Eastern and South-Eastern European History, Ludwig Maximilian University of Munich, Germany. ok.okhotnikova@mail.ru.

I am grateful to Laboratorium's reviewers and editors for the opportunity to publish this article and for their helpful feedback, to my friends for their comments on early drafts, and especially to Rauf Shumyakov for his generosity in providing me with valuable sources. This research was supported by the Gerda Henkel Foundation, application number AZ 11/P/23.

The article is devoted to the history of the representative organization of disabled veterans of the First World War that existed in Russia in 1917–1918. The political changes caused by the February Revolution of 1917 reshaped previous forms of social assistance. With the fall of the monarchy, the growing social group of disabled war veterans, who were previously the concern of charities during the First World War, gained the opportunity to

voice their needs. In June 1917, as a result of the First All-Russian Congress of Maimed Soldiers, the All-Russian Union of Maimed Soldiers, with a central committee in Petrograd and branches throughout the country, was established alongside the state aid institutions. Focusing on the Union's activities allows us to shift how we view the disabled community, traditionally presented as an object of social policy, and to see it as a political subject that not only sought institutionalization and actively claimed its rights on a metropolitan and regional scale, but also produced its own meanings of who constituted a disabled soldier. Drawing on linguist Norman Fairclough's understanding of discourse as a semiotic extension of social practice and on the materials preserved in the collection of the Central Committee of the Union of Maimed Soldiers—incoming and outgoing correspondence with local unions, minutes of the Central Committee Board, and documents of all-Russian and local congresses—the article shows how the discourse on military disability was produced in the communications of the central organization, regional branches, and government bodies, how the specificity of regional experiences was manifested in these communications, and what significance regional formations had in the Union's struggle to maintain an authoritative position in helping disabled war veterans.

Keywords: Disabled War Veterans; First World War; All-Russian Union of Maimed Soldiers; 1917 Russian Revolution; Self-Organization; Discourse Analysis

REFERENCES

- Badcock, Sarah. 2007. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bukalova, Svetlana, and Pavel Shcherbinin. 2020. "Khoziaeva uvechnogo dela': Stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voyny." *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 25(187):148–159.
- Cherkasova, Margarita. 2018. "Formirovanie traditsii samoorganizatsii professional'nogo soobshchestva notariusov g. Samary v 1917–1918 gg. (po materialam Samarskoi gubernii)." Pp. 275–280 in *Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: Regional'nyi aspekt*. Samara, Russia: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury.
- Cohen, Deborah. 2001. *The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939*. Berkeley: University of California Press.
- Dolidovich, Olesya, and Tatiana Kattsina. 2011. "Stanovlenie sistemy sotsial'nogo obespecheniia pod rukovodstvom A. M. Kollontai: Ot sfery privatnoi v Rossiiskoi imperii k prostranstvu publichnogo v sovetskoi Rossii (12 noiabria 1917 goda–11 marta 1918 goda)." *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki* 9(2):255–276.
- Eichenberg, Julia, and John Newman, eds. 2013. *The Great War and Veterans' Internationalism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Eremin, Igor'. 2006. "Zabota o bol'nykh i ranenyykh voynakh v Zapadnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918 gg.)." *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* 6(309):202–205.
- Fairclough, Norman. 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge.
- Fieseler, Beate. 2007. "Razvitie gosudarstvennoi pomoshchi invalidam v Rossii ot pozdnei Rossiiskoi imperii do stalinskoï 'revoliutsii sverkhu.'" Pp. 49–64 in *Opyt mirovykh voïn v istorii Rossii*, edited by Igor' Narskii. Chelyabinsk, Russia: Kamennyi poias.
- Filimonov, Viktor. 1999. "Velikii perevorot svershilsia. . ." Pp. 56–59 in *Obshchestvo i revoliutsiia: Kaluzhskaiia guberniia v 1917 godu*. Kaluga, Russia: Fond "Simvol."
- Galliamova, Liudmila. 2019. "Rossiiskii Dal'nii Vostok v preddverii Grazhdanskoi voyny i inostrannoï voennoi interventsii." Pp. 211–229 in *Epokha Revoliutsii i Grazhdanskoi voyny v Rossii: Problemy istorii i istoriografii*, edited by Vladimir Kalashnikov. Saint Petersburg, Russia: SPbGETU "LETI."

- Gerber, David. 2003. "Disabled Veterans, the State, and the Experience of Disability in Western Societies, 1914–1950." *Journal of Social History* 36(4):899–916.
- Gordeev, Petr. 2019. "Demokratiia v pridvornom vedomstve: Samoorganizatsiia sluzhashchikh Tsarskosel'skogo dvortsovogo upravleniia v 1917 godu." *Russian Colonial Studies* 1:51–59.
- Hoffman, David. 2011. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Holquist, Peter. 2002. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ikeda, Yoshiro. 2022. "'Grazhdanin' v revoliutsionnom diskurse, fevral' 1917–iiul' 1918 g." Pp. 180–203 in *Slova i konflikty: Iazyk protivostoianii i eskalatsiia grazhdanskoi voyny v Rossii*, edited by Boris Kolonitskii et al. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Ioffe, Genrikh. 1989. *"Beloe delo": General Kornilov*. Moscow: Nauka.
- Kalashnikov, Vladimir, ed. 2019. *Epokha Revoliutsii i Grazhdanskoi voyny v Rossii: Problemy istorii i istoriografii*. Saint Petersburg, Russia: SPbGETU "LETI."
- Kattsina, Tatiana. 2005. "Ot obshchestvennogo prizreniia k sotsial'nomu obespecheniiu." Pp. 89–103 in *Nuzhda i poriadok: Istoriia sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.*, edited by Pavel Romanov and Elena Iarskaia-Smirnova. Saratov, Russia: TsSPGI.
- Kattsina, Tatiana. 2017. "Sotsial'naia pomoshch' invalidam voyny v gody 'velikikh potriaseni' (1914–1921): Regional'nyi aspekt." Pp. 111–115 in *Revoliutsiia 1917 goda: 100 let spustia. Vzglad iz Sibiri: Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma (Krasnoarsk, 25–26 oktiabria 2017 g.)*. Krasnoyarsk, Russia: OOO "Laboratorii razvitiia."
- Kolonitskii, Boris. 2006. "Iazyk demokratii: Problemy 'peregoda' tekstov epokhi revoliutsii 1917 goda." Pp. 152–189 in *Istoricheskie poniatii i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka*, edited by Nikolay Koposov. Saint Petersburg, Russia: Aleteiia.
- Kolonitskii, Boris. 2012. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda*. Saint Petersburg, Russia: Liki Rossii.
- Kusber, Jan. 2017. "Petrograd v gody voyny i revoliutsii, 1914–1924." Pp. 52–78 in *Goroda imperii v gody Velikoi voyny i revoliutsii*, edited by Alexei Miller and Dmitrii Chernyi. Saint Petersburg, Russia: Nestor-Istoriia.
- Lang, Raymond. 2009. "The United Nations Convention on the Right and Dignities for Persons with Disability: A Panacea for Ending Disability Discrimination?" *Alter* 3(3):266–285.
- Lebina, Natal'ia, Pavel Romanov, and Elena Iarskaia-Smirnova. 2007. "Zabota i kontrol': Sotsial'naia politika v sovetskoii deistvitel'nosti, 1917–1930-e gody." Pp. 21–67 in *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: Ideologii i povsednevnost'*, edited by Pavel Romanov and Elena Iarskaia-Smirnova. Moscow: OOO "Variant," TsSPGI.
- Lovell, Stephen. 2015. "Stenography and the Public Sphere in Modern Russia." *Cahiers du monde russe* 56(2–3):291–325.
- Magowska, Anita. 2014. "The Unwanted Heroes: War Invalids in Poland After World War I." *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences* 69(2):185–219.
- Miller, Alexei, and Dmitrii Chernyi, eds. 2017. *Goroda imperii v gody Velikoi voyny i revoliutsii*. Saint Petersburg, Russia: Nestor-Istoriia.
- Narskii, Igor'. 2001. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* Moscow: ROSSPEN.
- Obukhov, Leonid, and V. Fedotov. 2007. "Predislovie." Pp. 14–29 in *1917 god v Permskoi gubernii: Sbornik dokumentov*. Perm', Russia: Izdatel'stvo "Pushka."
- O'Donnell, Anne. 2017. "Khoziaistvennaia zhizn' i vlast' v Moskve, 1914–1920." Pp. 19–51 in *Goroda imperii v gody Velikoi voyny i revoliutsii*, edited by Alexei Miller and Dmitrii Chernyi. Saint Petersburg, Russia: Nestor-Istoriia.
- Okhotnikova, Olga. 2022. "'Uvechnye voiny': Sotsial'nyi status voennykh invalidov v rossiiskoi publitsistike 1914–1916 godov." *Rossii i sovremennyi mir* 3:40–60.
- Okhotnikova, Olga. 2023. "Pasport uvechnogo voina: Meditsinskaia ekspertiza i biurokraticheskie praktiki obrashcheniia s invalidnoi telesnost'iu v 1917–1918 gg." *Sotsiologiya vlasti* 35(3):152–184.

- Orlovsky, Daniel. 2018. "What Was Power in 1917?" Pp. 177–197 in *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22*, bk. 4, *Reintegration: The Struggle for the State*, edited by Christopher Read, Peter Waldron, and Adele Lindenmeyr. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Retish, Aaron. 2008. *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosenberg, William. 2019. "Revoliutsiia i kontrevoliutsiia: Sindrom nasiliia v Grazhdanskoi voine v Rossii, 1918–1920." Pp. 73–93 in *Epokha Revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii: Problemy istorii i istoriografii*, edited by Vladimir Kalashnikov. Saint Petersburg, Russia: SPbGETU "LETI."
- Rossiia v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh). 1925. Moscow: TsSU.
- Shashkova, Ol'ga, ed. 1996. *Fevral'skaia revoliutsiia: Sbornik dokumentov i materialov*. Moscow: RGGU.
- Starostenko, Yulia. 2018. "Sozдание Soiuza zodchikh: Opyt samoorganizatsii zodchikh na fone sobytii 1917 goda." *Artikul't* 1(29):67–74.
- Steinberg, Mark. (2017) 2018. *Velikaia russkaia revoliutsiia, 1905–1921*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
- Stepochkina, Elena. 2014. "Organizatsiia meditsinskoi pomoshchi i sotsial'naia rehabilitatsiia invalidov v Samarskoi gubernii vo vremia Pervoi mirovoi voiny." Pp. 285–289 in *XX vek i Rossiia: Obshchestvo, reformy, revoliutsii. Elektronnyi sbornik*, no. 2. Samara, Russia: Samarskaia oblastnaia universal'naia nauchnaia biblioteka.
- Stites, Richard. 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Sumpf, Alexandre. 2022. *The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tarasov, Konstantin. 2022a. "Bol'shevizm' kak sobiratel'nyi obraz vragov revoliutsii 1917 g." Pp. 265–295 in *Slova i konflikty: Iazyk protivostoianii i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii*, edited by Boris Kolonitskii. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Tarasov, Konstantin. 2022b. "'Lenintsy' i 'bol'sheviki' v politicheskom iazyke 1917 g." Pp. 233–264 in *Slova i konflikty: Iazyk protivostoianii i eskalatsiia grazhdanskoi voiny v Rossii*, edited by Boris Kolonitskii. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Toikina, Natal'ia, ed. 2017. *1917 god v istorii Udmurtii: Dokumenty i materialy*. Izhevsk, Russia: Udmurtiia.
- Tumanova, Anastasiya. 2014. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–fevral' 1917 g.)*. Moscow: ROSSPEN.